

П. К. Козлов

**Монголия и Амдо и мертвый город Хара-
Хото**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. К. Козлов**
Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото / П. К. Козлов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 348 с.

ISBN 978-5-458-77592-2

Пётр Кузьмич Козлов — достойный ученик великого путешественника Н. М. Пржевальского. Унаследовав от учителя страсть и любовь к исследованиям, Пётр Кузьмич с успехом продолжил дело его жизни — изучение Центральной Азии — и завершил свои работы изданием ряда классических географических трудов, главными из которых являются «Монголия и Кам» и «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото». Предлагаемая книга «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото» содержит описание второго самостоятельного путешествия Петра Кузьмича во внутреннюю Азию. Книга сопровождается вступительной статьёй, дающей оценку научному значению исторических находок П. К. Козлова.

ISBN 978-5-458-77592-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П. К. Козлов

ОТ РЕДАКТОРА

Пётр Кузьмич Козлов — достойный ученик великого путешественника Н. М. Пржевальского.

Унаследовав от учителя страсть и любовь к исследованиям, Пётр Кузьмич с успехом продолжил дело его жизни — изучение Центральной Азии — и завершил свои работы изданием ряда классических географических трудов, главными из которых являются «Монголия и Кам» и «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото».

Предлагаемое советскому читателю новое издание книги «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото» содержит описание второго самостоятельного путешествия Петра Кузьмича во внутреннюю Азию. Книга сопровождается вступительной статьёй, дающей оценку научному значению исторических находок П. К. Козлова.

Труд «Монголия и Кам», с описанием первой возглавлявшейся автором экспедиции в Монголию и Восточный Тибет, уже вышел сокращённым изданием в Государственном издательстве географической литературы. К нему приложена статья, рассказывающая о жизни и деятельности путешественника и методах его работы. К этой статье мы и отсылаем интересующихся подробностями биографии Козлова. Здесь же лишь напомним читателю основные факты, касающиеся личности этого замечательного исследователя Центральной Азии.

Родился П. К. Козлов в городе Духовщине Смоленской губернии 15 октября (н. ст.) 1863 г.

Деятельность его как путешественника-исследователя определилась в 1882 г. встречей с Н. М. Пржевальским, который оценил способности юноши и его стремление к изучению неведомых стран. Уже осенью 1883 г. Пржевальский включил Козлова в свою четвёртую

экспедицию, направляющуюся в Центральную Азию. В этой экспедиции молодой Козлов приобрёл первые богатые знания и навыки, так пригодившиеся ему в дальнейшем.

После смерти Пржевальского он принимает участие в экспедициях Певцова и Роборовского, а в 1899—1901 гг. совершает свое первое самостоятельное путешествие по Монголии и Восточному Тибету, которое принесло ему мировую славу.

Следующая его экспедиция в Центральную Азию состоялась в 1907—1909 гг. Открытие развалин тангутского города — одного из культурных центров древней Азии — было результатом упорных, заранее намеченных изысканий.

Во всех экспедициях Козлов показал себя разносторонне образованным географом, прекрасным организатором и волевым руководителем, способным преодолевать препятствия, возникающие на пути.

Изучение Центральной Азии началось на глазах 17-летнего Козлова в 70-х годах прошлого века, когда Н. М. Пржевальский проложил первые пути для науки по обширным пространствам азиатского материка.

В последующие десятилетия Пётр Кузьмич был свидетелем подвигов своих соотечественников, продолживших исследования Пржевальского.

Если взглянуть на карту, отражающую историю географического изучения Центральной Азии, то мы увидим, что она пересечена многочисленными тысячеверстными маршрутами смелых исследователей: Роборовского, Козлова, Потанина, Певцова, Грумм-Гржимайло и др., подвергавших себя тяжелым лишениям и опасностям во имя науки и славы Родины.

На долю П. К. Козлова, воля и талант которого успешно провели научные экспедиции через знойные равнины Монголии и пустынный суровый Тибет, приходится значительная часть этого общего грандиозного вклада в науку.

Пётр Кузьмич собрал большой и разнообразный материал о природе местностей, не посещенных до него никем из европейцев, составил карты и описал народы Монголии и Тибета с их любопытными нравами и обычаями.

Исследования Козлова оказались особенно интересными и ценными еще и потому, что ему удалось открыть древнейшие памятники истории народов Центральной Азии, о которых говорится в книге «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото». Последнее обстоятельство — исторические находки — еще более повысило интерес самого Козлова к археологии.

В 1923 г. Пётр Кузьмич, несмотря на преклонный возраст, снова отправляется в Монголию. Близ Улан-Батора, в горах Кэнтай, он открывает

древние курганы — могилы восточных гуннов (Ноинулинские курганы), из которых извлекает исключительно ценный археологический материал, вскрывающий связь культуры древних народов Азии с Западом. В эту же последнюю свою экспедицию Козлов ещё раз посетил Хара-хото и произвёл в нём дополнительные раскопки.

Умер Пётр Кузьмич в 1935 г. в возрасте 72 лет. До последних дней своей жизни он неустанно вёл научную работу.

Его вклад в географическую науку по достоинству оценён учёными всего мира. Об этом свидетельствуют многочисленные награды, вручённые путешественнику научными обществами различных стран.

Литературное наследие Козлова отличается ясным изложением мысли и широтой географического описания. Прекрасный литературный язык, сильное и яркое отображение суровой природы Центральной Азии и научная строгость изложения фактического материала в сочетании с лирической прелестью описания редких живописных уголков, встречавшихся ему на пути, ставят труды Козлова в ряд лучших произведений классиков географии.

Образцом такой работы и является «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото».

Книга выходит в сокращённом виде, но сокращению подверглись, в основном места, не принадлежащие перу Петра Кузьмича, а заимствованные им из работ других авторов. Опущены вопросы, интересующие специалистов, например, высказывания о буддизме, подробная характеристика буддийского пантеона и часто повторяющиеся описания монастырей.

Значительным сокращениям подвергся иллюстративный материал, отражающий большей частью религиозный культ монголов и тибетцев.

К книге приложена карта маршрутов Козлова, выполненная на современной основе с дополнением некоторых не существующих сейчас названий: Халха, Урга и др.

Так как написание географических названий у автора и современная их транскрипция очень близки (например: у Козлова — Лань-чжоу-фу и Дын-юань-ин, а на современной карте соответственно — Ланьчжоу и Динъюаньин), то мы их оставили без изменений.

Чтобы сделать текст доступным более широкому кругу читателей, редактор нашёл нужным дать свои примечания и комментарии к некоторым географическим понятиям и явлениям, требующим, по его мнению, пояснения.

Произведен перевод старых мер в метрические, последние проставлены в квадратных скобках так же, как и исправленные латинские названия представителей фауны и флоры.

Работа по подготовке к новому изданию такого большого и богатого научным материалом труда, как «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото», была сопряжена с большими трудностями и требовала помощи различных специалистов.

Редактор приносит глубокую благодарность автору вступительной статьи В. П. Козлову, С. М. Кочетовой, доставившей Владимиру Петровичу материалы своих исследований, и любезно предложившим услуги по проверке латинских названий — А. Г. Банникову, В. Н. Ворошилову, Е. В. Козловой.

Б. В. ЮСОВ

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОВ П. К. КОЗЛОВА.

В этом небольшом очерке мы задались целью коротко рассказать о результатах работы советских учёных-археологов над материалом, доставленным П. К. Козловым, и о значении его археологических открытий для науки.

При составлении очерка были использованы, главным образом, те работы по изучению находок Хара-хото, которые были опубликованы уже после выхода в свет в 1923 г. первого издания книги «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото». Кроме того, были просмотрены рукописи: В. Н. Казина¹ 1) «История города Хара-хото», конспект доклада 1936 г.; 2) «Город Хара-хото как археологический памятник», стенограмма конференции по истории китайского искусства в Государственном музее восточных культур, 1940 г. (Москва) и С. М. Кочетовой² — «Буддийские иконографические памятники из Хара-хото» (китайского стиля), 1946 г.

Работы В. Н. Казина, основанные на тщательном изучении китайских источников, проливают свет на историческое прошлое города Хара-хото и народов, населявших Западное Ганьсу.

Труды С. М. Кочетовой посвящены изучению харахотинских находок по иконографии и выяснению влияния на эти произведения искусства культуры других стран, главным образом Китая. Они дополняют исследования акад. С. Ф. Ольденбурга³, который изучал образ Хара-хото преимущественно тибетского письма.

История города Хара-хото⁴ такова. Этот город (по тангутски — Идзин-ай) находится в низовьях реки Эдзин-гола (область Ганьсу), пересекающей Гоби с юга на север. Географическое положение реки, долина которой представляла в древности удобный путь для набегов кочевников из Северной Монголии на Западный Китай, определило исто-

---

¹ Всеволод Николаевич Казин — научный сотрудник Государственного эрмитажа, безвременно погибший во время блокады Ленинграда.

² Софья Михайловна Кочетова — кандидат наук, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР

³ См. список литературы.

⁴ Согласно историческим данным, Хара-хото был крупным торговым городом и крепостью в государстве Си-ся; столицей же был город Синцин, переименованный впоследствии в Нинся (см. из находок П. К. Козлова в Хара-хото, 1909 г.).

рическую роль Хара-хото. Неудивительно поэтому, что когда во II веке до н. э. китайцы захватили долину Эдзин-гола, они постарались поселить в ней своих колонистов и построить укрепления.

«Первые сведения относительно китайских укреплений и городов в этой местности относятся к 101 г. до н. э., — пишет Казин, — при Ханьской династии в этой местности находился уездный город Гоянь или Си-хай. Отрывочные краткие сведения об этом городе идут до V века н. э.». Кроме того, имеются сведения, что при династии Тан, т. е. в VII—VIII веках, в низовьях Эдзин-гола существовала крепость Тун-чэн-шоу-чжо.

С середины VIII века, в течение нескольких столетий, в китайской литературе нет сведений о низовьях Эдзин-гола, так как всей областью Ганьсу завладело Тибетское государство.

600 лет Ганьсу не входила в пределы Китая, но её население и культура в основном оставались китайскими.

После распада Тибетского государства в середине IX века Западная Ганьсу разделяется на несколько самостоятельных княжеств. В X веке возникает тангутское государство Си-ся, которое в начале следующего века объединяет мелкие княжества северо-западной окраины Китая. Захват тангутами долины Эдзин-гола относится к 30-м годам XI века.

Первое упоминание о городе Идзин-ай (Хара-хото), согласно сведениям, добытым Казиним, относятся к XII веку нашей эры. В это время в низовьях Эдзин-гола был тангутский город, встречающийся в китайских источниках под двумя названиями: Хэй-шуй-чен и Идзин-ай. Последнее и является тангутским названием Хара-хото. Государство Си-ся просуществовало с 982 до 1226 г., когда оно было покорено монголами, возглавлявшимися Чингис-ханом. Это был последний поход великого монгольского завоевателя, скончавшегося в 1227 г.

Разорение, произведённое монголами в пределах тангутского государства, было очень велико. Но город Хара-хото, повидимому, тогда не был полностью разрушен или, может быть, вскоре был восстановлен. Во всяком случае, в истории Китая времён династии Юань о нём встречаются неоднократные упоминания, последние из которых относятся к 50-м годам XIV века. Знаменитый европейский путешественник Марко Поло также упоминает о городе Эдзин (Хара-хото).

Хара-хото оставался в руках монголов до 1372 г., когда при Минской династии китайские войска вторглись в район низовьев реки Эдзин-гола и завладели городом.

Наряду с другими городами Монголии он был разорен как опорная точка кочевников, угрожавших Китаю с запада.

Теперь известно также, что в низовьях Эдзин-гола еще во II веке до н. э. китайцы строили укрепления против кочевников, однако нельзя сказать достоверно, был ли Хара-хото заложен на месте одной из древних крепостей.

П. К. Козлов открыл Хара-хото в 1908 г. В этом же году он начал производить раскопки, которые продолжил и в 1909 г. В 1926 г., в последнюю свою экспедицию, он еще раз посетил Хара-хото. Кроме него раскопками в Хара-хото занимался только английский археолог Аурель Стейн в 1914 г.

Археологические открытия П. К. Козлова уже давно получили общее признание. Находки из Хара-хото дали археологам богатейший

материал, позволивший заполнить пробелы в познании истории народов Центральной Азии, выяснить влияние на их культуру со стороны Китая и Тибета и, наконец, что особенно важно, дали возможность научному миру познакомиться с древней тангутской литературой на тангутском языке, или языке си-ся, теперь уже мёртвом¹.

Как указано в работе П. К. Козлова, большинство находок добыто из знаменитого субургана. Относительно этих находок В. Н. Казин сделал в своём докладе (1940 г.) следующие замечания: «Книги, найденные в знаменитом субургане, указывают на то, что он был сооружён около 1220 г., то-есть еще до разгрома Хара-хото войсками Чингис-хана, следовательно, хранил в себе памятники культуры государства Си-ся». Письменные фрагменты на тангутском (си-ся) языке преобладают. Согласно исследованиям Казина, тангутских фрагментов оказалось 1 400, китайских — 78, тибетских — 13 и один фрагмент написан уйгурским шрифтом.

О научной ценности находок П. К. Козлова Казин говорит следующее: «Находки Козлова имели огромное значение для расшифровки тангутской письменности (си-ся). До этой находки было известно всего несколько монет с надписями на языке си-ся, затем несколько надписей на камне и одна единственная рукопись, в то время как П. К. Козлов привёз сотни рукописей и довольно значительное количество печатных книг как китайских, так и тангутских.

Благодаря этим находкам сделалось возможным чтение тангутской письменности, к нашему времени вышедшей из употребления и забытой. Среди книг был найден тангутско-китайский словарь, благодаря которому стала возможной расшифровка этой, до того времени непонятной письменности.

Основная масса найденных письменных памятников имеет буддийский религиозный текст, но наряду с этим имеется некоторое количество конфуцианских памятников, имеются два свода законов на тангутском языке, представляющие огромный интерес для изучения истории государства тангутов (Си-ся), о котором мы имеем чрезвычайно мало сведений, затем сборники пословиц, оды и отдельные притчи и рассказы, переводы на тангутский язык некоторых военных китайских авторов периода Чжоу и другие.

Наш тангутский фонд во много раз превышает все материалы на тангутском языке, которые имеются в остальном мире. В частности, нигде, кроме как у нас, нет памятников небуддийской письменности.

В собрании Козлова имеются не только книги, но и орудия книгопечатания. Имеются печатные резные деревянные доски как для тангутских книг, так и для отдельных книжных иллюстраций.

Гравюр в книгах сохранилось очень много. Они имеют большое значение для истории китайской гравюры».

Поскольку в Дунь-хуане² были найдены древнейшие памятники китайской гравюры и книгопечатания IX и X веков, а в Хара-хото — гравюры XI, XII и XIII веков, у нас теперь имеется материал, дающий пол-

¹ Тангутская письменность си-ся появилась в первой половине XI века. Однако китайский язык и письменность оставались в государстве Си-ся в широком употреблении (Библиография Востока, 1933 г., вып. 2—4).

² Дунхуанские пещеры расположены в 14 км от города Дунь-хуань (на крайнем западе Китая). Стены пещер украшены буддийскими фресками, статуями и алтарями, которые относятся ко времени 450—1100 гг. н. э., Больш. сов. энци., т. 23, 1931 г.

ную картину ранней истории китайского книгопечатания и китайской гравюры, начиная с IX и кончая XIII веком.

Произведения живописи почти все написаны на религиозные темы буддийского культа и лишь несколько картин и гравюр имеют светское содержание. Те и другие интересны для нас как памятники искусства того времени и как исторические документы, показывающие влияние других стран на живопись народов Центральной Азии. Изучению иконографии Хара-хото посвящены две работы: акад. С. Ф. Ольденбурга (1914) и канд. наук С. М. Кочетовой (1946).

С. Ф. Ольденбург указывает, что по характеру письма и по композиции выделяются две основные группы: тибетская и китайская. Как видно из названий указанных работ, первая (т. е. Ольденбурга) охватывает тибетскую группу, вторая (С. М. Кочетовой) — китайскую.

Говоря о влиянии той или иной культуры на население Хара-хото, Казин указывает, что вся область Западной Ганьсу, где находится Хара-хото, со времени первого завоевания её Китаем, то-есть со II века до н. э., находилась под сильным влиянием китайской культуры и только в XI—XIV веках испытала на себе и влияние тибетской культуры. По форме изображения образа буддийского культа делят на два типа — китайский и тибетский, что, согласно исследованиям С. М. Кочетовой, выражается в следующем: «Буддизм в Китае, где он был признан государственной религией только в V веке н. э., столкнулся со зрелыми нормами китайской эстетики и с высокой по технике и художественным приёмам живописью Китая.

Индийская эстетика обнажённых, гибких, изогнутых в грациозных позах тел была абсолютно неприемлема для конфуцианцев с их пуританскими требованиями. По этим воззрениям в живописи не допускалось неприкрытого, нагого тела, а, наоборот, полагалось изображать фигуры в длинных, широких одеждах, полностью скрывающих все контуры тела».

Образ «Алмазнопрестольного будды» (см. рис. 1) является характерным примером тибетского письма. Образ же «Встреча верующего в раю Сукавати буддой Амитабой (см. рис. 2) и божества планет Юпитера (см. рис. 3) и Сатурна (см. рис. 4) могут дать понятия о характере китайской иконописи.

По свидетельству С. Ф. Ольденбурга (1914), «Образ тибетского письма, найденные там (т. е. в Хара-хото), резко отличаются от образов китайского письма и дают неопровержимое доказательство того основного, решающего влияния, которое индийская живопись имела на древнетибетскую¹, а вместе с этим и на тангутскую, если в тангутском царстве существовала своя самостоятельная школа живописи или иконописи. Это сразу отграничивает тибетскую живопись от китайской, так как индийская живопись западно-пластическая. И действительно, если мы исключим облака и дракона, которые пишутся почти всегда по китайскому образцу, то не найдем почти ничего, что напомнило бы китайскую манеру письма.

Техника и приготовления образов почти те же, что и в современной тибетской иконописи; и здесь сказался поразительный консерватизм Тибета, где письмена на протяжении с лишним тысячелетия не подверглись никакому изменению.

¹ Разрядка наша (В. К.).